

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1 (091)

DOI 10.17223/1998863X/30/14

О.А. Коваль, Е.Б. Крюкова

ЛИНГВОЦЕНТРИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ МИРА В ФИЛОСОФИИ Х.-Г. ГАДАМЕРА И Л. ВИТГЕНШТЕЙНА

Проводится сравнительный анализ философской герменевтики Х.-Г. Гадамера и учений Л. Витгенштейна на предмет выявления их общих мировоззренческих установок. Показано, что герменевтическая стратегия Гадамера разворачивается во встречном движении по отношению к эволюции витгенштейновских взглядов на природу языка.

Ключевые слова: понимание, язык, мир, Витгенштейн, Гадамер.

В западноевропейском мышлении XX в. можно выделить два направления, в которых проблема языкового понимания занимает центральное место. Это аналитическая философия и философская герменевтика, отличающиеся друг от друга своими методами, подходами, процедурами, понятийным инструментарием, выводами настолько, что, если сравнить результаты их исследований, может создаться впечатление, будто речь идет не об одном и том же, а о разных феноменах человеческого понимания. Если для первой характерен упор на логический и семантический анализ как естественного, так и искусственно созданных языков, то вторая рассматривает язык в качестве исходного и ключевого параметра человеческого существования в мире. То, что по ходу развития какой-либо мыслительной тенденции формируется совершенно особая область знания со своей специфической структурой, тематической топологией и способом организации, не только оправдано, но и вполне закономерно. Удивительнее другое: что, несмотря на очевидную разнонаправленность идейных устремлений этих двух философских течений, их проблемный предмет – понимание – остается неизменным и определяется как процесс осмысления речевых высказываний. Так, в фокусе внимания и аналитической философии, и философской герменевтики оказывается возможность конструирования и реконструирования смыслов¹. По всей вероятности, причину постоянной оглядки на вопрос понимания в бесчисленных и многоплановых герменевтико-аналитических разработках продуктивнее будет отслеживать не по актуальной ситуации этих крайне востребованных сегодня философских дискурсов, а обратившись непосредственно к их истокам, т. е. попробовав сопоставить концепции самих «виновников» двух сложившихся традиций понимания, а именно Людвига Витгенштейн-

¹ Хотя Э. Гуссерль в своем феноменологическом проекте, казалось бы, тоже озабочен проблемой смыслопорождения, однако он связывает ее решение исключительно с прояснением работы трансцендентальных структур сознания, и интерес к языку во втором томе «Логических исследований» носит у него скорее вынужденный, нежели обязательный характер.

на и Ханса-Георга Гадамера¹. Причем не столько с тем, чтобы найти точки соприкосновения между великими мыслителями, сколько с тем, чтобы показать глубинную, внутреннюю согласованность их теорий². Может статься, оба подхода окажутся не просто не противоречащими друг другу, но даже взаимодополняющими, и то, что слабо обосновано в одной системе координат, получит свое подтверждение в другой.

Сразу надо оговориться, что у Витгенштейна, как раннего, так и позднего периодов, нигде специально не разбираются условия, структурные моменты или сами акты понимания³, что вовсе не означает, будто он в принципе игнорировал проблему понимания. Напротив, она подспудно определяет весь ход его теоретических рассуждений. Дело в том, что в отличие от Гадамера, который начинает разворачивать свое исследование с момента возникновения понимания, Витгенштейн всякий раз имеет дело с уже свершившимся пониманием. Для него любое предложение, будучи сформулировано, является носителем смысла как индикатора понимания. И уже этот смысл, в свою очередь, выступает для Витгенштейна условием возможности взаимопонимания. Понимание предложения приравнивается Витгенштейном к знанию его смысла. Поэтому он и сосредоточивает внимание на том, благодаря чему предложения обретают смысл. Ранний Витгенштейн считает, что предложения получают свой смысл оттого, что фиксируют факты, происходящие или не происходящие в мире. «Логико-философский трактат» исходит из предпосылки, что между миром и языком существует прямая связь: мир является отражением языка, равно как и язык является отражением мира⁴. «Предложение – картина действительности: ибо, понимая предло-

¹ В комментаторской литературе бытует обыкновение сравнивать воззрения Витгенштейна с хайдеггеровскими экспликациями языка, а философия Гадамера привлекается в подобных исследованиях чаще всего лишь на том основании, что ведет свое происхождение от «герменевтики фактичности». Статьи, в которых витгенштейновская мысль соизмеряется напрямую с гадамеровской, посвящены, как правило, частным вопросам. См., например: *Борисов Е.В.* Проблема нормативности в феноменологии языка: Витгенштейн и Гадамер // *Известия Томского политехнического университета.* 2007. № 7 (311). С. 88–92; *Flatscher M.* Das Spiel der Kunst als die Kunst des Spiels. *Bemerkungen zum Spiel bei Gadamer und Wittgenstein* // R. Esterbauer (Hrsg.). *Ort des Schönen. Phänomenologische Annäherungen.* Würzburg: Königshausen & Neumann, 2002. S. 125–156; *Lawn Ch.* Wittgenstein, History and Hermeneutics // *Philosophy & Social Criticism.* 2003. Vol. 29/3. P. 281–295.

² Гадамер сам неоднократно отмечал близость своих позиций некоторым положениям поздней философии Витгенштейна. См.: *Гадамер Г.-Г.* Философские основания XX века // *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 24–25; *Gadamer H.-G.* Die Lektion des Jahrhunderts: Ein Interview von Riccardo Dottori. Münster: Lit, 2002. S. 80. С другой стороны, он же критиковал витгенштейновские термины «употребление» и «правила» за их избыточную инструментальность, сводящую роль языка сугубо к его функциональности. См.: *Gadamer H.-G.* Hermeneutik auf der Spur // *Gadamer H.-G.* Gesammelte Werke. Bd. 10: Hermeneutik im Rückblick. Tübingen: Mohr, 1995. S. 156.

³ Пункты 150–155 «Философских исследований», в которых Витгенштейн стремится развенчать миф о понимании как об «умственном» или «душевном процессе», трудно квалифицировать как серьезную заявку на отдельную теорию понимания.

⁴ Такую необычную систему взаимоотражения прекрасно описал Гадамер, пытаясь объяснить свое понимание спекулятивной природы языка: «Отражение – это постоянный обмен. Нечто отражается в чем-то другом, например, замок в пруду, а это значит, что пруд отбрасывает назад образ замка. При посредстве наблюдателя отражающийся образ сущности связан с видом самой вещи. Он не имеет бытия для себя, он существует как „явление“, которое не есть он сам, но которое позволяет явиться зеркально отраженным виду самой вещи. Это похоже на удвоение, при котором, однако, существует лишь нечто одно. Подлинная мистерия отражения состоит как раз в невозможности схватить образ, в неуловимости чистого воспроизведения» [1. С. 469–470]. Последняя фраза, в свою оче-

жение, я знаю изображаемую им возможную ситуацию» (4.021) [2. С. 20]. Предложение мыслится здесь как запечатление конфигурации связей, в которых находятся объекты мира. Эти объекты, презентующие, по Витгенштейну, «субстанцию мира» (2.021) [2, 6], и составляют значение слов, которые тем самым оборачиваются их обозначениями: «Имя обозначает объект. Объект – его значение» (3.203) [2. С. 12].

Поздний Витгенштейн отказывается признавать значением слова именуемый объект, выстраивая теорию значения как употребления. «Каждый знак, взятый *сам по себе*, кажется мертвым. *Что* придает ему жизнь? – Он *живет* в употреблении. Несет ли он живое дыхание в самом себе? – Или же *употребление* и есть его дыхание?» [3. С. 212]. Обратившись к анализу повседневного языка, Витгенштейн приходит к выводу, что значения слов и языковых выражений не есть нечто устойчивое, раз и навсегда закрепленное за словом¹. Это подвижное образование, возникающее в конкретной разговорной ситуации. И тогда смысл предложения зависит от того или иного употребления слова. «Понимать предложение – значит понимать язык. Понимать язык – значит владеть некой техникой» [3. С. 162]. Идея значения как употребления свидетельствует о крайне революционном подходе к пониманию самого языка. Язык у Витгенштейна оказывается не совокупностью слов, вступающих между собой в определенные связи, а некой неразрывной целостностью слова, мысли и действия. И потому невозможно дать определение языку как таковому, установив ему четкие рамки или границы², предметив его для удобства изучения. Язык противится подобного рода опредмечиванию. И само это сопротивление в том числе указывает на его деятельностный характер. А работу языка, согласно Витгенштейну, мы можем наблюдать на примере любого разговора, даже самого примитивного свойства³. Всякий разговор – это фрагмент языковой реальности, которая получает у Витгенштейна наименование языковой игры.

Такое обозначение Витгенштейн выбирает не случайно. Слово «игра» как нельзя лучше подходит для описания того, что собой представляет разговор. Язык задает правила, однако игра разыгрывается участниками разговора, которым в рамках правил предоставлена определенная свобода действий. Эта свобода заключается в умении владеть словом, что позволяет использовать его в самых разных контекстах, в которых слово и обретает свое значение. В ходе игры-разговора субъекты говорения достигают взаимопонимания, что свидетельствует о наличии в их фразах смысла. Если цель разговора – это достижение взаимопонимания, то очевидно, что слово нико-

редь, переключается с другой важной темой витгенштейновского трактата – с неизобразимостью формы изображения и с различием говорения и показывания.

¹ Ср. у Гадамера: «Основу языка, похоже, образует способность слов, вопреки определенности своих значений, быть неоднозначными, то есть способность любого слова располагать гибким веером значений, и в этой именно гибкости проявляется своеобразная дерзость такого предприятия, как речь. Значимые моменты речи фиксируются только в самой речи, в ее длящейся реализации, причем моменты эти постоянно корректируют друг друга, выстраивая языковой контекст» [4. С. 58].

² Даже если эти границы, как в «Логико-философском трактате», совпадают с границами мира, включающего в себя «все, что происходит» (1) [2. 5], или все, что допускает логика.

³ Ср. у Гадамера: «Даже в самом обыденном разговоре можно обнаружить подобную существенную особенность спекулятивного отражения: неуловимость того, что является тем не менее чистейшей передачей смысла» [1. С. 473].

гда не есть просто слово, а всегда одновременно и мысль, и действие – игровой ход как действие, за которым стоит мысль и которое выражает себя в слове¹. Неявным основанием любой языковой игры выступает понимание, без которого она не могла бы состояться, и, соответственно, ни одно слово не могло бы получить своего значения. Как условие возможности игры-разговора, эта основа остается скрытой и, присутствуя в любом разговоре, не может быть из него никоим образом вычленена. Согласно Витгенштейну, имеет ценность и требует своего описания любая языковая игра – именно потому, что несет в себе понимание. Это глубинное понимание содержится в языке, а не является продуктом рефлексии носителей языка². Именно оно «ведет», направляет разговор, разыгрываемый собеседниками. Отмечая данный феномен, Витгенштейн констатирует, что «языковая игра есть, так сказать, нечто непредсказуемое. Я имею в виду: она не обоснована. Она не разумна (или неразумна). Она пребывает – как наша жизнь» [б. С. 391]³. Таким образом, сам язык оказывается, по Витгенштейну, формой жизни⁴: язык есть деятельность, в ходе которой человек обретает мир, и узнавание мира начинается с овладения языком – овладения не в смысле распоряжения им, а в смысле освоения в нем.

Если Витгенштейн приходит к такому пониманию языка, то Гадамер, скорее, с этого начинает, разматывая нить своих рассуждений в обратном направлении⁵. Вслед за Хайдеггером он признает за языком самостоятельное бытие. Именно через причастность языку, по Гадамеру, человек получает возможность приобщиться к миру. Человек не сразу имеет мир как естественное место своего обитания (это свойственно животному); мир для человека выступает прежде всего в образе того, что ему противостоит и с чем ему постоянно приходится иметь дело. Отношение между человеком и миром, согласно Гадамеру, предполагает наличие дистанции, которую необходимо преодолеть, чтобы обжиться в мире, сделать его своим, человеческим

¹ В схожем ключе истолковывает концепт игры у Витгенштейна и В. В. Библихин: «Важное у него слово *das Spiel* включает понятия *свободный ход* и *система сложных движений*. Играя, художник развертывает в науке, поэзии, музыке тонкость и сложность, способные отвечать полноте целого мира» [5. С. 15].

² Ср. у Гадамера: «Пребывание „внутри слова“, когда на него уже не смотрят как на предмет, есть, безусловно, основной модус всякого языкового процесса. В языке заключена хранящая и оберегающая сила, препятствующая рефлексивному схватыванию и как бы укрывающая в бессознательном все, что в языке совершается» [4. С. 59–60].

³ Ср. у Гадамера: «Язык, которым владеют, так устроен, что в нем живут, то есть то, что хотят сообщить, „знают“ не иначе, как в языковой форме» [7. С. 65].

⁴ Позиция раннего Витгенштейна не противоречит высказанной здесь. О введении в семантический контекст онтологического трактата Витгенштейна понятия жизни см.: Сокулер З. А. «Жизнь и мир суть одно»: философия, логика и этика в «Логико-философском трактате» // Вопросы философии. 1998. № 5. С. 68–75.

⁵ И надо сказать, что в подобного рода инверсированном движении мысли Гадамер заходит значительно дальше, чем предполагал сам, признавая созвучность своей герменевтики лишь позднему учению Витгенштейна. Вопреки такому широко распространенному мнению в гадамеровской теории и творчестве раннего Витгенштейна также можно обнаружить общие мотивы, см.: *Fahrenbach H.* Die logisch-hermeneutische Problemstellung in Wittgensteins „Tractatus“ // R. Bubner, K. Cramer, R. Wiehl (Hrsg.). *Hermeneutik und Dialektik. Aufsätze.* Hans-Georg Gadamer zum 70. Geburtstag. Bd. 2: Sprache und Logik. Theorie der Auslegung und Probleme der Einzelwissenschaften. Tübingen: Mohr, 1970. S. 25–54; *Horn P. R.* Gadamer and Wittgenstein on the Unity of Language. Reality and Discourse without Metaphysics. Aldershot, Burlington: Ashgate Publishing, 2005.

миром. И язык здесь оказывается незаменимым посредником, оборачиваясь условием возможности установления требуемой связи. «Повсюду, где мир испытывается нами, где происходит преодоление чуждости, где совершается усвоение, усмотрение, постижение, где устраняется незнание и незнакомство, повсюду совершается герменевтический процесс собирания мира в слово и в общее сознание» [8. С. 14–15]. В отличие от дистанцированности человека и мира, между языком и миром существует иного рода отношение: язык не просто напрямую касается мира, он как бы изнутри структурирует мир, упорядочивая части целого в единую картину мира¹.

Отсюда у Гадамера деятельностный характер языка, проявляющийся в двух направлениях: в случае мира – в качестве формирующего его образ для человека; в случае человека – как игра, вовлекающая в свою реальность участников разговора. Стихия языка, в которую человек погружается, также уподобляется Гадамером пространству игры. Хотя бы потому, что, как и игра, подлинный разговор, регламентированный правилами, заданными языком, требует от собеседников предельной интенсификации всех их сил. Такое особое состояние достигается путем отказа от всего ранее накопленного: приобретенных знаний, жизненного опыта, социального статуса, даже собственного Я. Условием того, чтобы разговор действительно состоялся, является полная поглощенность им, вплоть до само-забвения. «Очевидно, что для языка подлинным субъектом игры является не субъективность того, кто наряду с занятием другими видами деятельности еще и играет, а сама игра» [1. С. 109–110]. Иными словами, игроки оказываются вовсе не субъектом действия, скорее наоборот: «*Всякая игра подразумевает превращение в ее объект*. Привлекательность игры, ее очарование состоит в том, что игра овладевает играющим» [1. С. 112]. Человек предоставляет себя в распоряжение стихии языка, чтобы случилось событие понимания, которое зависит не от него, но от которого он зависит². «Что „выйдет на свет“ в разговоре, заранее никому не известно. Достижение взаимопонимания или его отсутствие – это как бы событие, произошедшее в нас самих» [1. С. 387].

Событие понимания, по Гадамеру, меняет того, кому довелось присутствовать при этом событии, ставя под вопрос его картину мира, поддерживаемую теми предрассудками, которые он неизбежно перенял у традиции. Стоит отметить, что предрассудки Гадамер рассматривает как некоторый позитивный момент, реабилитируя это понятие, скомпрометированное, по его мнению, эпохой Просвещения. Предрассудок для Гадамера – это сохраняющийся в языке и транслируемый через язык голос традиции, задающий магистральное направление осмыслению человеком действительности³. Предрассудки – как то, что предшествует рассудку, рассуждению – являют-

¹ Ср. у Витгенштейна: «Наш язык изначально рисует какую-то картину. Что делать с этой картиной, как ее использовать – это остается неясным. Очевидно, однако, что ее нужно исследовать, если мы хотим понять смысл наших высказываний. Но картина кажется нам чем-то таким, что снимает с нас необходимость этой работы; она уже указывает нам определенное применение. Таким образом она берет нас в плен» [3. С. 269].

² Ср. у Витгенштейна: «Понимай языковую игру как то, что *первично!* А чувства и т. д. – как способ рассмотрения, интерпретацию языковой игры!» [3. С. 253].

³ Витгенштейновская модель «слепого» следования правилу может быть рассмотрена как воспроизводящая тот же принцип диктуемого языком подчинения традиции.

ся, с одной стороны, точками отталкивания для построения картины мира, а с другой – предпосылкой возможности понимания¹. Понимание же всегда совершается в конкретной ситуации разговора. Каждый разговор несет в себе событие понимания в качестве оправдания своего существования. И не только в качестве оправдания, но и в качестве основания, т. е. понимание выступает в разговоре и целью, и побудительным мотивом, и движущей причиной. Оно есть то, из-за чего предпринимается игра, то, что делает игру игрой.

Разговор мыслится Гадамером как пространство игры, в котором осуществляется – в качестве понимания – истина мира. Поскольку именно мир есть та общая Sache, суть дела, о которой ведется разговор. «Языковое взаимопонимание ставит то, ради чего оно свершается, перед договаривающимися, подобно тому, как предмет спора кладется посередине между спорщиками. В качестве такого рода общей, никому не принадлежащей и всеми признаваемой почвы, которая связывает всех, кто разговаривает друг с другом, выступает мир» [1. С. 450]. Что же собой представляет истина мира, получающая свою реализацию в качестве понимания? Прежде всего, в разговоре, допустим, двух собеседников выявляются различия смысловых связей в их картинах мира, и по ходу беседы все более очевидной становится условность этих связей. Путем «слияния горизонтов» как способа установления взаимопонимания, открываются не только предрассудки собеседника в качестве фундамента его картины мира, но приводятся «в подвешенное состояние», становясь явными, собственные предрассудки. Это происходит даже в случае, казалось бы, непреодолимой пропасти между сталкиваемыми картинами мира. «Общий язык разыгрывается между говорящими – они постепенно „сыгрываются“ и могут начать договариваться, а потому и тогда, когда различные „взгляды“ непримиримо противостоят друг другу, нельзя отрицать возможность договориться между собой. [...] Традиция, к которой мы принадлежим и в которой живем, – это не часть нашего культурного опыта, не так называемое культурное предание, которое тогда состояло бы из одних памятников и текстов и заключалось бы лишь в передаче смыслов, выраженных средствами языка и исторически засвидетельствованных. Нет, нам непрестанно передается, *traditur*, сам же познаваемый в коммуникативном опыте мир, он передается нам как постоянно открытая бесконечности задача» [8. С. 14].

В разговоре собеседники достигают границы каждый своего мира. И лишь достигнув этой границы, обнаруживают его ограниченность, которая свидетельствует о том, что мы имеем дело не с миром как таковым, а только с его образом. Однако и по ту сторону границы собственного мира находится не мир сам по себе, а мир другого, который, в свою очередь, тоже является образом. Этот другой образ мира позволяет выявить не только образность, присущую ему, но и свою собственную. И что гораздо важнее – необходимость самой образности. Такая необходимость исходит от языка, на котором ведется разговор, как источника любой образности. Тем самым, по Гадамеру, мир, который мы имеем и который по праву называем своим миром, человеческим, скон-

¹ Ср. у Витгенштейна: «Картину, прочно укоренившуюся в нашем сознании, можно, конечно, сравнить с предрассудком, но при этом нужно признать и то, что человеку *всегда* необходимо опираться на что-то твердое, будь то картина или нечто иное; так что картину, лежащую в основе всего мышления, следует уважать, а не обходиться с ней как с предрассудком» [9. С. 488].

струирован при посредстве языка, на языке, языком. Мир нам близок и понятен лишь постольку, поскольку мы всякий раз имеем дело с ним как с картиной мира, как с языковым образом¹. Но и язык, в свою очередь, получает легитимность лишь как изображение мира: «Слово является словом только благодаря тому, что в нем обретает языковое выражение. В своем собственном чувственном бытии оно присутствует лишь для того, чтобы снять себя в том, что сказано. И наоборот, то, что обретает языковое выражение, первоначально отнюдь не является некоей безязыковой пред-данностью, а получает в слове свою собственную определенность» [1. С. 479].

Подводя итог своей теории понимания, Гадамер резюмирует ее в следующем положении: «То, что может быть понято, есть язык» [1. С. 478]. Витгенштейн же в предисловии к «Логико-философскому трактату» лаконично выражает смысл своей работы ставшей знаменитой фразой: «То, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно, о том же, что сказать невозможно, следует молчать» [2. С. 2]. Перед нами одна и та же, зеркально отраженная формула, в которой лишь меняются местами язык и понимание: в первом случае понимание определяется как язык, а во втором – язык как понимание. Но суть дела при этом не меняется: понимание для обоих мыслителей – это событие самого языка, который детерминирует не только деятельность сознания, но и весь человеческий универсум. Что касается второй части витгенштейновского афоризма, смысл которой призвано было отразить, вернее, «показать» его понятие «мистического», включающее в себе все пространство невыразимого, то непреступаемость языковой границы, четко проводимой в учении раннего Витгенштейна, присутствует, пускай неявно, также и в гадамеровской сентенции: философская герменевтика сохраняет свою универсальную значимость лишь в пределах понимаемого мира, т. е. в границах языка, каковые задают исключительно человеческое измерение существования в мире.

Литература

1. *Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik // Gadamer H.-G. Gesammelte Werke / пер. Лощевского К.В. Bd. 1: Hermeneutik I. Tübingen: Mohr, 1990.*
2. *Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 1–73.*
3. *Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 75–319.*
4. *Гадамер Г.-Г. Язык и понимание // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 43–60.*
5. *Бибихин В. В. Витгенштейн: смена аспекта. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.*
6. *Витгенштейн Л. О достоверности // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 321–405.*
7. *Гадамер Г.-Г. Семантика и герменевтика // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 60–71.*

¹ Ср. у Витгенштейна: «Картина создает представление о действительности, изображая возможность существования и не-существования со-бытий» (2.201) [2, 10]. Или: «Предложение – картина действительности. Предложение – модель действительности, какой мы ее себе представляем» (4.01) [2, 19].

8. Гадамер Г.-Г. *Философия и герменевтика* // Гадамер Г.-Г. *Актуальность прекрасного*. М.: Искусство, 1991. С. 9–15.

9. *Витгенштейн Л. Культура и ценность* // Витгенштейн Л. *Философские работы*. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 407–492.

Koval Oxana A. Russian Christian Humanitarian Academy (RHGA) (St. Petersburg, Russian Federation). DOI 10.17223/1998863X/30/14

Kryukova Ekaterina B. Russian Christian Humanitarian Academy (RHGA) (St. Petersburg, Russian Federation). DOI 10.17223/1998863X/30/14

LINGUOCENTRIC UNDERSTANDING OF WORLD IN PHILOSOPHY OF H.-G. GADAMER AND L. WITTGENSTEIN

Keywords: understanding, language, world, Gadamer, Wittgenstein.

Philosophical hermeneutics and analytical philosophy represent two independent types of knowledge in which, despite of its distinction in methodology and in conceptual techniques, the problem of understanding becomes the common semantic center, where all researches of these differently directed sorts of a discourse are organized around. The specific feature of understanding – how it's conceived in hermeneutical and analytical studies – is a strictly linguistic character of this phenomenon: the understanding is, first of all, an event which happens in language. And just that very event – a general moment of these contrast doctrines – becomes an impulsive cause for theoretical consideration of H.-G. Gadamer and L. Wittgenstein, the founder of philosophical hermeneutics and the initiator of two main trend in analytical philosophy: logical positivism and so-called ordinary language philosophy. The reference point by Gadamer and Wittgenstein's comparison was not so much a desire for finding points of their crossing, as an attempt to show deep internal relationship which exists between two theorist of linguocentric understanding of world. Besides a widespread convergence of Wittgenstein's notion of a language-game and Gadamer's concept of game as a language's unfolding space, except an analogy inevitably comes to mind between an idea that meaning is use and dialogic nature of understanding, another words, between the late searches of Wittgenstein and hermeneutical explication of language by Gadamer – besides this fact it was revealed that the main intension of philosophical hermeneutics doesn't exceed the limits set by “*Tractatus Logico-Philosophicus*”: the world is thought of both philosophers as a language picture, and language – as a world picture. The fundamental thesis of Gadamer “being which can be understood is language” appears a mirror reflection of Wittgenstein's well-known statement “what can be said at all can be said clearly, and what we cannot talk about we must pass over in silence”

References

1. Gadamer, H.-G. (1990) *Gesammelte Werke*. Bd. 1: Hermeneutik I. Tübingen: Mohr.
2. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Translated from German. Moscow: Gnozis. pp. 1-73.
3. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Translated from German. Moscow: Gnozis. pp. 75-319.
4. Gadamer, G.-G. (1991) *Aktual'nost' prekrasnogo* [The Relevance of the Beautiful]. Translated from German by M.F. Stafetskaya. Moscow: Iskusstvo. pp. 43-60.
5. Bibikhin, V.V. (2005) *Wittgenstein: smena aspekta* [Wittgenstein: the aspect change]. Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas.
6. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Translated from German. Moscow: Gnozis. pp. 321-405.
7. Gadamer, G.-G. (1991) *Aktual'nost' prekrasnogo* [The Relevance of the Beautiful]. Translated from German by M.F. Stafetskaya. Moscow: Iskusstvo. pp. 60-71.
8. Gadamer, G.-G. (1991) *Aktual'nost' prekrasnogo* [The Relevance of the Beautiful]. Translated from German by M.F. Stafetskaya. Moscow: Iskusstvo. pp. 9-15.
9. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Translated from German. Moscow: Gnozis. pp. 407-492.